

Его руки, держащие ворот, поднялись выше, слегка коснулись его губ и носа, прошлись по глазам, полным легкого гнева, и остановились на бровях, мягко очерчивая их.

Лин Цзюнь от природы имел тонкие мочки ушей, его лицо не было круглым и благополучным, но он был необычайно привлекательным монахом. Среди лысых монахов он выделялся, и даже в рясе мог вызвать трепет в сердцах женщин.

Неустойчивые руки Сы Хуая быстро были схвачены, но он не сопротивлялся, продолжая смотреть на это лицо с улыбкой. Легкий аромат сандалового дерева окутал его разум, и он вдруг подумал, что этот человек с такой красивой внешностью был бы еще прекраснее с волосами.

Сцена из сна снова возникла перед его глазами. Тот, кого он хотел удержать, исчез в конце дороги, а небо заполнилось цветами маньчжусака, превратившимися в кровавый дождь. Огонь охватил его тело, оставив в сердце пламя, которое невозможно потушить.

Он вспомнил ту нелепую и невероятную мысль, но даже если она была абсурдной, он поверил в нее.

— Лин Цзюнь, я, возможно... люблю тебя.

Он высвободил руки, потянул его ближе, и запах вина смешался с ароматом сандалового дерева.

Тонкие губы, находившиеся так близко, были слишком красными. Дыхание Сы Хуая участилось, и, как будто подчиняясь какому-то внутреннему порыву, он закрыл глаза и быстро прикоснулся к ним.

— Что ты делаешь?!

Лин Цзюнь широко раскрыл глаза, не веря в то, что только что произошло, и поспешно отступил.

Сы Хуай, чей разум был в смятении, немного протрезвел от его крика и вдруг осознал, что только что сделал. Он не знал, что сказать.

Он не должен был этого делать. Он должен был сдерживать себя, загнать эти чувства, которые возникли неизвестно когда, в глубину своего сердца.

Но... если бы не опьянение, он бы никогда не узнал, что все эти годы любил этого монаха.

Бочка вина, которую он принес, покатила в сторону. Сы Хуай, опираясь на кровать, сел, схватил бочку и, открыв ее, начал пить.

Лучше всего было напиться до беспамятства и считать все, что произошло сегодня, сном, чтобы наутро ничего не вспомнить.

Но Лин Цзюнь не собирался давать ему возможность забыться. Он выхватил бочку из рук Сы Хуая и, прежде чем тот успел что-то понять, начал пить из того же места, откуда пил Сы Хуай.

Раньше Сы Хуай подшучивал над ним, подмешивая вино в воду, но это был первый раз, когда Лин Цзюнь попробовал настоящий крепкий напиток. После нескольких глотков он закашлялся, а румянец распространился от щек до ушей.

— Ма... мастер...

Сы Хуай смотрел на него в замешательстве, указывая на бочку.

— Буддийские заповеди запрещают пить вино.

Лин Цзюнь проигнорировал это, подошел ближе, встал на одно колено у края кровати и, глядя в глаза Сы Хуая, спросил:

— Кто позволил тебе идти в такое место?

— Что?

Голова Сы Хуая, опьяненная вином и шокированная происходящим, еще не пришла в себя.

— Я сказал...

Лин Цзюнь наклонился ближе, медленно и низким голосом повторил.

— Кто разрешил тебе идти в такое место?!

На этот раз Сы Хуай наконец понял, о каком месте он говорил, и также заметил, что в первом вопросе было «кто позволил», а во втором — «кто разрешил». Интонация напоминала ревнивого любовника, заставшего свою возлюбленную с другим.

Он удивился этой мысли, промелькнувшей в его голове, и, схватив Лин Цзюня за плечи, неуверенно спросил:

— Ты ко мне... тоже...

Губы, покрасневшие до предела, сжались в бледную линию. Взгляд Лин Цзюня казался рассеянным, но он слегка кивнул.

Сы Хуай не был уверен, понимает ли Лин Цзюнь, что он спрашивает, но, увидев этот кивок, почувствовал, как огонь в его сердце охватил все тело, поглотив последние остатки разума.

— Лин Цзюнь...

Он услышал свое тяжелое дыхание.

— Мне очень жарко, могу ли я...

Лин Цзюнь не успел ничего сказать. Его теплая рука только коснулась запястья Сы Хуая, как тот перевернул его и прижал к кровати.

Руки Сы Хуая дрожали, он долго возился, прежде чем осторожно снял пурпурную рясу. Его пальцы коснулись белоснежной шеи, и он уже собирался расстегнуть ворот, как вдруг услышал, как человек под ним что-то шепчет. Приблизившись, он понял, что тот читает мантру успокоения.

Не знаю, подействовала ли мантра или просто хмель начал проходить, но жар в теле Сы Хуая внезапно утих. Он резко ударил себя по лицу, мысленно ругая себя: «Мерзавец, он же монах!»

Сы Хуай, словно пытаясь убежать, поспешно поднялся, но не успел сесть, как Лин Цзюнь снова

потянул его вниз, крепко прижав к себе.

В глазах, обычно спокойных и мягких, теперь тоже горел огонь. Сы Хуай, чье сердце было полно смелости, теперь почувствовал себя маленьким воробьем. Лин Цзюнь слегка улыбнулся и сказал:

— Я всю жизнь соблюдал пост и молился Будде, прося его защитить людей. Сегодня, сделав это с тобой, я чувствую вину, поэтому прочитал мантру.

— Ты монах, я не должен был...

Сы Хуай не закончил фразу, как Лин Цзюнь перевернул его, и в следующий момент он оказался под ним.

Осознав, что Лин Цзюнь собирается сделать, он схватил его запястья и торопливо сказал:

— Лин Цзюнь, ты нарушаешь заповедь!

Он уже нарушил заповедь, выпив вино, и если теперь совершит грех похоти, как он сможет оставаться в храме?

Но Лин Цзюнь просто смотрел на него, словно пытаясь запомнить его лицо. Его горячая рука коснулась красной родинки на веке Сы Хуая, и он серьезно сказал:

— Я бесстрастен и лишен желаний, но ты — это мирская суета, которая стала моей навязчивой идеей, болезнью, проникшей в кости.

Сы Хуай не ожидал таких слов и не знал, что ответить. После долгого молчания его голос стал хриплым.

— А что насчет твоего Будды?

Он спасал мир, обладая великими заслугами, и Сы Хуай не хотел, чтобы он отказывался от этого ради него.

Лин Цзюнь, казалось, понял его мысли, слегка улыбнулся, а затем с серьезным выражением лица сказал:

— Я стал монахом не из-за мирских проблем, а из-за любви к Будде и людям. Если ты будешь со мной, ты должен пообещать следовать правильному пути и помогать людям.

— Я обещаю.

Сы Хуай с улыбкой, полной очарования, протянул руку к шее Лин Цзюня, пытаясь снова притянуть его, но тот, как тяжелый камень, не сдвинулся с места.

— Хм!

Сы Хуай приподнял бровь, с насмешливой интонацией сказал:

— Наставник Шэнчань, все видели, как ты вынес меня из публичного дома. Тебе не отвертеться, ты мой.

— Да, ты мой.

— Тьфу!

Сы Хуай не стал спорить на эту тему, обвил прядь волос вокруг шеи Лин Цзюня и спросил:

— Так ты завтра снова будешь пить чай и обсуждать сутры с наследником?

— Нет, завтра мы отправляемся на гору Ланьцан.

Сы Хуай не заметил, как он выделил слово «мы», и слегка нахмурился.

— Гора Ланьцан? Там появилось что-то зловещее?

— Тсс!

Лин Цзюнь одной рукой схватил его запястья и прижал к кровати, остановив попытку Сы Хуая перевернуться.

Не дав ему сопротивляться, Лин Цзюнь медленно наклонился и слегка коснулся губами красной родинки.

Сы Хуай закрыл глаза, чувствуя, как дыхание Лин Цзюня касается его щеки. В следующий момент тихий шепот донесся до его уха:

— Ци Чжоу, покажи свои драконьи рога.

У автора есть слова: Оставляйте комментарии в течение 24 часов после публикации платной главы, и я раздачу красные конверты~~ (сердечко)

Считайте, что я каталась на скейтборде, остальное додумайте сами, хихихи

<http://bllate.org/book/16805/1545884>